

СЕРГЕЙ СОРОКИН



ТОМ 3

**КОМАНДИР
БОМБАРДИРОВЩИКА**



Командир бомбардировщика

Сергей Сорокин

Командир бомбардировщика - 3

«Автор»

2026

Сорокин С.

Командир бомбардировщика - 3 / С. Сорокин — «Автор»,
2026 — (Командир бомбардировщика)

Пятьдесят пять лет, тридцать лет в небе и последний боевой вылет. Подбитый ракетой, командир стратегического бомбардировщика Павел Иванов спасает экипаж и направляет горящую машину в цель. Но вместо смерти приходит новое падение — уже в чужом молодом теле, за штурвалом израненного самолёта над Балтикой августа 1941 года. У Павла есть опыт лётчика XXI века, но нет ни привычных приборов, ни надёжной техники, ни права объяснить, откуда он знает будущее этой войны. Вокруг — отступление, разбитые машины, люди на пределе сил и экипаж, который ещё только должен поверить своему командиру. А впереди — приказ, звучащий почти безумием: поднять тяжёлый бомбардировщик и идти на Берлин. Чтобы выжить, Павлу придётся заново освоить старое небо, вернуть в строй обречённую машину и научиться принимать решения, где цена ошибки — четыре жизни. Здесь не будет лёгких чудес. Только мастерство, ответственность и железная воля человека, который уже однажды выбрал не себя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Часть V. Тринадцатый над Берлином	24
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Сорокин

Командир бомбардировщика - 3

Глава 1



Сигнал воздушной тревоги режет площадку прежде, чем Тимка успевает придумать ответ.

Первым движется не человек, а рука Руденко. Он сбрасывает с края стремянки отвёртку прямо на землю.

— Инструмент не собирать! — кричит он. — Что в руках, кладёте у ног. Что на самолёте, только закреплённый брезент. Все от борта!

Никто не лезет под крыло ради красивого порядка. Отвёртка остаётся в песке. Ключ ложится рядом с колесом тележки. Человек у хвоста проверяет один уже закреплённый брезент, тянет ремень и уходит. На борту не остаётся ни ящика, ни свободной ткани, ни инструмента.

Начальник вооружения бежит не к бомбам, а вдоль расчётов.

— Предохранения на местах! Под подвеску не лезть! Тележки в выемки, люди по укрытиям!

Пантелеев смотрит на пустую площадку под крылом. Шланг уже снят. Ёмкость закрыта. Он не возвращается к ней, только уводит двух помощников по отмеченной дорожке.

Кислородный техник закрывает свою тележку, проверяет крепление бортовых баллонов одним взглядом и берёт с собой журнал. Ключ остаётся в его руке. Никто не открывает люк, чтобы ещё раз потрогать уже принятое.

Плешаков обходит «Тринадцатый» глазами. Капоты закрыты. Возле винтов людей нет. Под крылом свободно. Только после этого он уходит от правого двигателя.

Лавров оказывается рядом со мной раньше, чем я успеваю развернуть костыль.

— До щели тридцать шагов по ровному, потом два вниз, — говорит он. — Я справа держу пояс. Костенко идёт сам и тебя не принимает.

— Я слышал, — отвечает Федя и отходит к левому краю дорожки. Правую руку уже вернул в петлю.

Тимка снимает шлемофон и прижимает к груди, чтобы ремень не давил на лицо на бегу. Литвинов одной правой рукой сгребает текущий расчёт в сухой планшет. Карта остаётся под навесом в зажимах.

— Карту оставь! — кричит метеоролог.

— Расчёт забираю. Карта закреплена!

Техник набрасывает сверху пустой деревянный щит. Не привязывает. Не задерживается ради узла, который теперь ничего не спасёт.

Гул приходит с юго-востока. Не один общий рёв, а три разнесённых звука, которые то сходятся, то расходятся над лесом. Ю-88. Три машины. Пока я их не вижу, тело уже узнаёт высокий ровный вой, не похожий на наши М-88.

Мы идём к щели. Костыль входит в землю чуть впереди, левая нога принимает вес, правая только удерживает равновесие. На восьмом шаге колено простреливает. Тело хочет навалиться на Лаврова.

— Дыши, — говорит он мне в ухо. — Костыль дальше. Земля ровная до края. Ещё шесть.

Он держит пояс обеими руками и не даёт весу уйти вправо. Я слышу собственное дыхание громче тревоги. Шесть шагов превращаются в отдельную работу. Костыль. Левая. Правая рядом. Костыль.

До края доходим без падения. Лавров спускается первым, принимает костыль, потом поддерживает меня под таз и левый локоть. Правая нога остаётся впереди. Пятку укладывают на сухую доску. Федя уходит в соседнюю выемку с другим санитаром. Тимка и Литвинов каждый в своё назначенное укрытие.

Из нашей щели видно восточную часть поля, часть полосы и опушку. «Тринадцатый» стоит в стороне, большой, неподвижный, слишком заметный для человека, который знает его цену. Я ищу глазами белую цифру, но вижу только тёмную плоскость крыла.

Первый Ю-88 выходит над лесом с востока. Он идёт вдоль края поля. Тёмное брюхо кажется узким, пока от него не отделяются первые точки.

— Ниже! — Лавров прижимает моё левое плечо к стенке.

Я не спорю. Успеваю увидеть, как точки растут и расходятся по дуге. Первый взрыв встаёт за восточной кромкой поля. Земля толкает спину через стенку щели. Второй ближе. Песок сыплется мне за ворот. Третий ложится у края полосы, выбрасывая вверх чёрный столб и светлые комья грунта.

Самолёт проходит над нами. Стрелок даёт короткую очередь в сторону стоянок. Пули идут далеко от щели, но звук заставляет тело искать ещё более низкое место, которого нет.

— Первый вдоль восточного края! — кричит кто-то из соседнего укрытия.

Над полем уже второй Ю-88. Он не повторяет ось первого. Заходит поперёк, с юга на север, целясь туда, где сходятся рулёжные дорожки и середина полосы. Это не беспорядочная тройка. Каждый берёт свой разрез аэродрома.

На дальней стоянке оживает И-153. Маленький истребитель выруливает, пока бомбардировщик ещё идёт на курс. Его мотор визжит на другом тоне. Человек у края поля машет флажком, потом падает в щель. И-153 разбегаются по свободной части полосы.

— Он не успеет, — говорит Лавров.

— Успеет, если второй сбросит поздно.

Мы оба смотрим. Истребитель идёт по земле, подпрыгивает на неровности, снова прижимается. Над ним открываются бомболюки Ю-88.

И-153 отрывается раньше первых разрывов. Колёса висят над полосой на высоте человеческого роста, когда позади встаёт фонтан земли. Его подбрасывает, но крылья остаются ровными. Он уходит к северу, набирая высоту вдоль опушки, а второй Ю-88 несёт свою цепочку через середину поля.

Разрывы идут слева направо. Один. Второй. Третий. Четвёртый. Я считаю не из любви к цифрам. После налёта каждая яма станет местом работы, и человек, который видел падение, обязан вернуть земле последовательность.

Пятый разрыв второго захода ложится ближе к командному пункту. Земля под щелью дёргается, доска под пяткой подпрыгивает. В воздухе появляется глина, дым и горький запах взрывчатки. На секунду поле исчезает за пылью.

— «Тринадцатый»? — спрашивает Лавров.

Я не вижу.

— Стоял левее цепочки.

— Это не ответ.

— Другого нет.

С севера приходит третий Ю-88. Он заходит ниже первых, по западной части полосы. Три разных оси закрывают поле крестом и диагональю. Если это проверка готовности, они хотят не столько уничтожить самолёты, сколько заставить нас показать, где мы прячем движение и как быстро выводим машины.

Третий бомбардировщик открывает огонь раньше сброса. Очередь проходит по краю навеса. Деревянный щит над картой слетает и кувыркается по земле. Сама карта остаётся в зажимах, брезент хлопает, но не срывается.

Потом падают бомбы.

Первая западнее полосы. Вторая у самой кромки. Третья на полосе. Четвёртая дальше, возле развилки дорожек. Пятая за полем, где грунт поднимается тёмной стеной.

Пятнадцать разрывов. По пять от каждого. Я проговариваю число вслух, чтобы оно не распалось вместе с грохотом.

— Пятнадцать, — повторяет Лавров. — Я тоже насчитал.

Третий Ю-88 проходит над западной кромкой и уходит к югу. В небе на его пути появляется И-153. Маленький истребитель не бросается под хвост прямо. Он набирает сбоку, пытается занять высоту. Немецкие стрелки ведут по нему. Трассы проходят выше, потом ниже. И-153 делает короткий отворот и снова тянется за бомбардировщиком.

Первый Ю-88 уже далеко на востоке. Второй уходит севернее. Третий следует своей дорогой. Ни один не разворачивается на повторный заход.

Мы не вылезает сразу. Тревога ещё держит людей в земле. Сверху слышны отдельные падения комьев, потом только удаляющийся гул и треск чего-то горящего далеко за опушкой. Не самолёта. По звуку невозможно назвать предмет, и никто не имеет права подарить нам победу или потерю одним предположением.

— Истребитель? — спрашивает Лавров.

Я всматриваюсь в дым.

— Не вижу. Взлетел. Дальше подтверждения нет.

— Так и скажем.

Дежурный свисток даёт сигнал оставаться в укрытиях. Потом второй. Только после третьего по полю начинают подниматься головы.

Лавров выходит первым. Осматривает край щели и землю вокруг. Не тянет меня вверх, пока не убедится, что доска стоит и рядом нет осколка.

— Правую вперёд. Вес на левую и на меня только по команде.

Наверху воздух полон пыли. Солнце стало медным. Полоса разрезана тёмными воронками. Некоторые дымятся, некоторые уже молчат, осыпая стенки внутрь. Между ними лежат комья грунта, доски и сорванные пучки травы.

Я первым делом ищу «Тринадцатый».

Самолёт стоит. Правое крыло закрыто пылью, но форма цела. Брезент у борта остался на креплении. Возле колеса лежит та самая отвёртка Руденко. Там, куда её бросили. Никто не потерял время, поднимая её, и она не оказалась в самолёте.

— Жива, — говорит Тимка рядом.

— Самолёт, — напоминает Литвинов.

— После этого сам попробуй сказать «жив».

Литвинов смотрит на целую плоскость и не спорит.

Гордеев выходит из командной щели, отряхивает землю с воротника и сразу поднимает ладонь.

— К самолётам не бежать. Сначала сапёры и осмотр поля. Все разрывы считать как опасные до проверки. Раненых докладывать по местам. Потери не называть, пока не увидели.

Доклады приходят рваными кусками. На восточном краю оглушён связной, но стоит. У навеса человека задело щепкой по руке. У стоянок один техник ушибся при спуске. Подтверждённых погибших нет. Подтверждённых уничтоженных машин нет. И-153 взлетел и ушёл за третьим Ю-88, связи с ним пока нет. Никаких слов «сбит» или «вернулся».

— «Тринадцатый» не трогать до сапёров, — говорит Руденко. — Потом я начинаю с пыли и положения. Всё, что изменилось, считаю следом налёта, пока не докажу обратное.

— Моторы тоже, — говорит Плешаков. — Никакого пуска до нового осмотра.

Пантелеев смотрит на свою закрытую ёмкость. Она стоит целая, но земля рядом присыпана комьями.

— Горючее не двигаю. Сначала проверка корпуса и прохода.

Начальник вооружения уже идёт по внешней границе самолёта, не приближаясь к подвешенным грузам.

— Под машину никто не лезет. Сапёры проверят подход. Потом осмотр предохранений и креплений. До этого всё остаётся как было.

Полк снова работает не одной толпой. Люди расходятся по своим предметам, но прежнего поля больше нет. Пятнадцать воронок сделали из знакомой земли новую задачу.

Лида перехватывает меня на полпути к самолёту. Не кричит. Просто становится перед костылём, но теперь сапог не нужен. По её лицу я вижу, что спор закончился раньше начала.

— На ящик, — говорит она.

— Сначала посмотрю самолёт.

— Руденко посмотрит. Плешаков посмотрит. Сапёры посмотрят землю. Ты сейчас покажешь мне колено.

— Я дошёл до щели и обратно.

— Именно поэтому.

Лавров уже ставит медицинский ящик подальше от пыли. Я сажусь. Лида опускается передо мной, развязывает большой сапог. Шнурок набрал земли и затянулся туго. Она не рвёт, а ослабляет каждый перекрест отдельно. Когда сапог сходит, нога будто становится легче и более одновременно.

Повязка влажная от пота. Под ней кожа горячая. Синяк расплзся шире, но новой раны нет. Ничего не вошло в колено, ничего не сломалось под разрывом. Старая травма просто получила тридцать шагов тревоги, спуск, удар земли и обратный подъём.

— Где изменилась боль? — спрашивает Лида.

— На восьмом шаге к щели прострелило.

— После?

— Стала горячее. Сейчас тянет по внутренней стороне.

— Раньше тянуло там же?

— Там же, слабее.

Она проводит пальцами вокруг, не нажимая на самую болезненную точку. Потом проверяет стопу, чувствительность, движение пальцев.

— Сгни.

Я сгибаю меньше, чем до тревоги.

— Не подталкивай, — говорит она Лаврову.

— Я не трогаю.

— Это капитану. Он себе бедром помогает.

Я прекращаю.

— Вот так. Теперь настоящая функция. Разогни.

Колено разгибается. На последнем участке дрожит.

— Новой травмы не вижу, — говорит Лида. — Старая хуже после бега и спуска. Ранний ограниченный допуск в кабину сейчас отменяю до отдыха и повторной функциональной проверки. Не потому, что ты навсегда не можешь лететь. Потому, что состояние изменилось.

— Сколько отдыха?

— Пока я смотрю остальных и пока полоса снова станет полосой. Потом проверим вход, педаль, тормоз и выход. Если вернёшься к границе до тревоги, дам официальный ночной допуск с ограничениями. Если нет, не полетишь.

— Приказ понял.

— Повтори.

— Сейчас в кабину не вхожу. Отдыхаю. Потом функция заново. Решение о ночном полёте после проверки.

Она накладывает новую повязку и возвращает сапог, но не затягивает до конца. Нога должна остыть.

Тимка садится на соседний ящик. Пыль забила в бинт у виска. Лида очищает кожу вокруг, проверяет глаза. Заставляет смотреть на поднятый палец, потом на дальний край крыла.

— Двоится?

— После щели было два пальца секунду. Сейчас один.

— Головная боль?

— Гул остался. Может, от трёх Ю-88.

— Гул где?

— В ушах. Голова не сильнее.

Она проверяет слух по сторонам, заставляет повторить тихие числа. Тимка слышит. На переводе взгляда одно короткое двоение возвращается и проходит.

— До окончательного допуска не лезешь вверх. Сидишь в тени. Потом повторим прицел, волну и выход.

— Слышу.

— И видишь?

— Одну Лиду. Этого достаточно, чтобы сидеть.

Федя подходит сам, но его ведёт санитар. Правая рука снова в петле. На спуске в щель он ударил локтем о стенку, не плечом. Лида проверяет место.

— Новая боль?

— В локте новая. В плече старая.

— Локоть цел. Плечо хуже?

— Пока бежали, держал. Когда сидели, начало ныть.

— Вниз полезешь только после повторной проверки. Правую назад не заводишь. Лодку руками сейчас не трогаешь.

— А словами?

— Словами можешь держать волну сколько угодно.

Литвинов приносит планшет и садится последним. Сухие листы внутри целы. Левая кисть сильнее отекла в петле.

— Ты ею что делал? — спрашивает Лида.

— Ничего.

— Тогда почему край ремня в пыли?

— В щели прижал к стене.

— «Ничего» — удобное слово. Снимай петлю.

Она осматривает кисть, меняет прокладку под ремнём. Движения пальцев сохраняются, но меньше.

— За карту левой не хватаешься. Вход только с помощником. Перед вылетом проверю, можешь ли работать правой весь нужный круг без опоры на больную.

— Я уже пересчитал массу.

— Теперь придётся пересчитать время.

Он поднимает глаза.

— Почему?

— Не знаю. Гордеев тебя ищет.

Командир полка действительно идёт к нам. Пыль покрыла фуражку, на щеке тонкая царапина. Он останавливается так, чтобы мы все видели лицо.

— Доклад врача, — говорит он.

Лида называет состояние каждого без слов «нормально» и «терпимо». Моя старая травма усилена тревогой, новой нет. Тимкино двоение краткое, сохраняется. Федино плечо работает в прежнем ограниченном секторе, локоть ушиблен без потери движения. Левая кисть Литвинова отекла сильнее, правая рабочая.

— Сейчас никто из четверых окончательного допуска не имеет, — заканчивает она. — После отдыха и функциональных проб приму решение по каждому. Если состояние не вернётся к рабочим границам, сниму.

— Ясно, — говорит Гордеев. — Работайте.

Он переводит взгляд на поле.

— Теперь другое. Командование считает, что три Ю-88 могли проверять нашу готовность. Три оси, без повторного захода. Они увидели подъём И-153, наши стоянки, движение к укрытиям и полосу после дневной работы.

— Основного налёта ждут? — спрашиваю я.

— Ждут возможность. На привычное время старта или на возврат. Если будут встречать, им выгодно знать, когда поле оживает.

— Что меняем?

— Старт переносим на один час раньше.

Литвинов сразу открывает планшет правой рукой.

— Маршрут прежний?

— Прежний.

— Цели?

— Берлин. Штеттин запасной по прежним условиям.

— Нагрузка, горячее?

— Не меняются.

— Значит, пересчитываю время участков, свет, точки контроля и решение у Штеттина. Нужен свежий ветер.

— Получишь сейчас. Причина сдвига — подозрение после налёта, а не дневной вылет. Так и запиши. Дневной вылет не двигал время. Три Ю-88 заставили командование отказаться от привычного часа.

— Запишу дословно.

Гордеев приседает перед моей доской, не передо мной.

— Раньше на час — это меньше времени на полосу, — говорю я.

— Поэтому каждый будет делать только своё. Пятнадцать разрывов подтверждены. Сапёры уже отметили все пятнадцать мест. Не каждый разрыв дал одинаковую воронку, но каждый участок надо вернуть в работу или вывести за границу.

— Разбег где?

— Пока не знаем. Восточная часть повреждена, середина тоже, западная кромка задета. Найдём одну непрерывную дорогу или «Тринадцатый» не пойдёт.

— Белая доска?

— Поставим после промера. Развилка у сосны останется последним видимым местом решения, но её положение относительно рабочего коридора надо проверить заново.

Я вижу эту сосну даже сквозь пыль. Раздвоенный ствол у дальнего края поля. До налёта он был знакомым ориентиром. Теперь между нами лежат тёмные ямы, и привычное расстояние ничего не значит.

— Самолёт осмотрят после сапёров, — продолжает Гордеев. — Потом медицина. Потом моторы. Раньше этого ни одного шага к старту.

— Ясно.

— И ещё. Истребитель поднялся. Подтверждения возвращения или потери пока нет. В докладах не сочинять ни победы, ни гибели.

Он встаёт и идёт к полосе. За ним уже тянутся люди с лопатами, корзинами, тачками, досками и вёдрами. Не абстрактная «команда восстановления», а повара, связисты, оружейники, техники, писари. Война на час превращает весь полк в землекопов.

Литвинов просит метеоролога подойти к медицинскому ящику. Тот приносит свежую сводку, придерживая лист под планшетом.

— Ветер изменился? — спрашивает штурман.

— По нижнему слою чуть довернул. Наверху есть новая оценка, но не окончательная. Следующий шар дадим сейчас.

— Мне нужен не ответ «чуть». Дай направление, скорость, время наблюдения и доверие к верхнему слою.

Метеоролог называет. Литвинов переносит правой рукой. Левая лежит на колене в новой петле.

— При старте на час раньше первый участок получит другой свет, — говорит он мне. — Контрольную точку надо брать не по прежнему силуэту. У Штеттина решение придёт раньше по часам, но на том же месте маршрута. Горючее не меняется, потому что расстояние и принятые режимы те же. Ветер может изменить расход, поэтому сейчас обновляю только временную сетку, а окончательный остаток проверю после шара.

— Не срежешь резерв ради часа?

— Резерв не часы. Он масса горючего и решение вернуться. Не трогаю.

Он просит Тимку повернуть точилку и продолжает. Усталость в нём видна по паузам. Перед каждым новым столбцом он закрывает глаза на один вдох, потом пишет. Это не слабость. Это способ не позволить цифрам слиться после дневного полёта, налёта и боли.

— Первый участок, — говорит он. — Свет изменён. Вторая точка, время изменено. Штеттин, решение по условиям. Берлин. Обратный путь. Ночная норма в баках прежняя. Бомбы прежние. Центровка прежняя. Начальник вооружения и Пантелеев получают только уведомление о времени, не новый заказ.

Глава 2



— Правильно, — говорю я. — А то кто-нибудь решит, что час надо вычесть из топлива.
— Тогда я вычту его из сна того, кто решит.

Метеоролог уходит к шару. Литвинов закрывает расчёт чистым листом, чтобы пыль не легла на карандашные отметки.

— Я пойду на полосу, — говорю Лиде.

— Нет.

— Мне надо видеть рабочий коридор.

— Увидишь отсюда, пока нога не остынет.

— С этого ящика я вижу только людей.

— Вот на них и смотри. Полосу сейчас строят они. Твоё колено ей грунта не добавит.

Я хочу спорить, но первая тачка уже идёт к восточной воронке. Два человека толкают, третий держит доску, чтобы колесо не провалилось. Они исчезают за валом выброшенной земли и снова появляются ниже. Лида права. Мой костыль не сделает их быстрее. Приходится выполнять самую трудную работу, которую Плешаков назвал ещё до осмотра моторов. Стоять снаружи и не помогать тем, кто умеет лучше.

На востоке начинают с разрывов за пределами рабочей полосы. Не засыпают всё одинаково. Сапёрный офицер ставит возле каждой ямы номер на дощечке и цветной знак. Красный значит подход закрыт до осмотра. Белый — осколков и подозрительных предметов не найдено, можно работать. Жёлтый — край надо вывести из маршрута, даже если яму засыпят.

Первая красная дощечка белеет только после того, как сапёр спускается по стенке и проходит дно шупом. Люди с лопатами ждут за валом. Один уже набрал землю в корзину, но не делает шага.

— Чисто, — кричит сапёр. — Работать слоями. Мягкую землю вниз не валить одной кучей.

У восточного края четыре повреждения лежат так близко, что издалека кажутся одной рваной полосой. На деле у каждой свой характер. Первая широкая и неглубокая. Вторая пробила плотный нижний слой. Третья выкинула комья на полосу, но сама легла за границей. Четвёртая сделала острый край там, где колесо может соскользнуть при разбеге.

Люди разделяются. Комья убирают отдельно. Рыхлый верх снимают со стенок, чтобы он потом не просел под колесом. На дно идёт крупный материал, потом более мелкий. Каждую ступень проливают ровно настолько, чтобы связать пыль, и трамбуют прежде следующей.

Тачка не выдерживает первого спуска. Колесо проваливается у края второй ямы, ручки уходят вверх, груз осыпается на человека у доски.

— Не тащи! — кричит старшина. — Положи ручки. Сначала разгрузи половину.

Двое уже хватаются вытянуть колесо силой.

— Ручки вниз! — повторяет он. — Сломаете ось и будете носить всё в фуражках.

Они останавливаются, снимают груз лопатами, подкладывают под колесо широкую доску. Тачка выходит сама, когда вес перестаёт спорить с грунтом. Следующий рейс идёт по двум доскам, которые люди перекладывают впереди колеса, как короткую дорогу.

На середине полосы работа другая. Там пять воронок второго Ю-88 легли цепочкой. Две небольшие можно вывести за край будущего коридора. Три пересекают его так, что выбора нет. Их надо закрыть до несущего слоя.

Старшина меряет глубину рейкой. Мелом ставит отметки на стенке. Нижний слой. Промежуточный. Верхний. Рядом писарь ведёт не рассказ о героизме, а количество телег, время трамбовки и людей на каждом участке.

— Зачем телеги считать? — спрашивает молодой связист, передавая корзину.

— Чтобы через час знать, где у тебя пустота, — отвечает старшина. — Если в одну яму ушло шесть, а в такую же рядом две, земля не стала чудесно легче. Значит, кто-то не довёз или стенка висит.

— А если эта уже была мельче?

— Поэтому рейка и запись. Глаз у тебя один день работает, бумага — пока не промокнет.

Он показывает на карту Литвинова под навесом. Та пережила налёт благодаря зажимам. Связист понимает и передаёт следующую корзину без вопроса.

К центру подходит первая нагруженная подвода. Лошадь боится запаха взрывчатки, косит глазом на дымящуюся яму и отказывается идти между флажками. Возница тянет повод, помощник толкает телегу сзади. Лошадь пятится, колесо приближается к мягкому краю.

— Стой! — кричат сразу трое.

Возница замирает.

Старшина не бьёт животное и не заставляет его смотреть на воронку. Отводит телегу назад, закрывает вид широкой доской и ведёт по дуге, где запах слабее. Два человека идут у головы. Третий держит колесо на твёрдой дорожке. Подвода доходит.

— Разгружать не в яму, — говорит старшина. — На площадку. Состав проверим.

В телеге смешались камень, плотная земля и верхний песок. Если сбросить всё сразу, крупное ляжет случайно, пустоты спрячутся под мягким слоем. Люди сортируют груз лопатами. Сначала камень и крупные комья. Потом плотная земля. Песок оставляют на верх.

Трамбовка идёт тяжёлыми деревянными бабами. По четыре человека на каждой. Они поднимают и бросают в общем ритме. Глухой удар сначала звучит рыхло, будто земля кашляет. Через десяток ударов тон меняется. Поверхность начинает отвечать твёрдо.

— Слышишь? — говорит старшина связисту. — Вот теперь слой принял. Не раньше.

Я слышу и с ящика. Удары идут через поле, как далёкий мотор. Восток отвечает одним ритмом, середина вторым, запад пока молчит. Там сапёры ещё не сняли красные знаки.

Метеоролог возвращается с новой сводкой. Литвинов уже закончил основу пересчёта и ждёт верхний ветер.

— Свежая оценка, — говорит метеоролог. — По верхнему слою вот так. Доверие выше прежнего, шар ушёл чисто.

Литвинов сравнивает две строки.

— Поправка на первый участок меняется. Расход в пределах принятой нормы. Временная сетка вот эта. На час раньше, как приказано. Решение у Штеттина по месту маршрута, не по старому часу.

Он зовёт меня к столу, но Лида качает головой.

— Стол принесёте к нему.

— Карта закреплена, — говорит Литвинов.

— Тогда лист.

Он отделяет чистую копию и подходит. Показывает правой рукой.

— Здесь новая точка света. Здесь свежий ветер. Здесь контроль перед Штеттином. Дальше Берлин. Запас не тронут. Если ветер уйдёт за пределы этой оценки до запуска, пересмотрю время, но не стану тайно брать горячее из резерва.

— Принимаю. Когда отдашь Гордееву?

— После того как увидим полосу. Время до точки зависит ещё и от фактического разбега. Если нам оставят короткий коридор, решение о взлёте будет на земле раньше любого маршрута.

Лида проверяет моё колено снова. Кожа остыла. Сгиб возвращается почти к границе до тревоги. Она заставляет встать, пройти шесть шагов между двумя ящиками, повернуться без разворота на правой ноге и вернуться.

— Не хромай красиво, — говорит она.

— Я иду как могу.

— Нет. На третьем шаге ты сократил левый, чтобы правый выглядел длиннее. Мне нужен настоящий ход.

— Если пойду настоящим, будет медленнее.

— Нам не скорость нужна. Нам функция.

Я начинаю заново. Костыль. Левая. Правая коротко. На повороте переставляю костыль и разворачиваюсь через левую. Боль остаётся тупой, без прострела.

— До полосы пустить могу на телеге, — говорит Лида. — Спускаешься только у твёрдых участков. Десять шагов максимум за один раз. Лавров рядом. В кабину пока нет.

— Мне нужно пройти рабочий коридор.

— Его сначала пройдут люди с рейкой. Ты посмотришь и выберешь ориентиры. Ногу проверим после.

Это не тот допуск, которого я хочу, но он даёт мне поле. Меня сажают на край пустой повозки, возвращающейся за грунтом. Под правую ногу кладут мешок. Лавров идёт рядом, держась за борт. Колёса обходят восточные участки по отмеченной дорожке.

Вблизи воронка не похожа на круглую яму из рассказа. Стенка рваная. Один край нависает, другой лежит ступенью. На дне блестит вода, хотя дождя не было. Земля вынесла собственную влагу.

— Вода уйдёт? — спрашиваю старшину.

— Из этой откачиваем. Сверху не закрою, пока дно мягкое.

Двое работают вёдрами, третий расчищает канавку к стороне, выведенной за полосу. Слишком широкую канаву сделать нельзя. Она сама станет слабым местом. Воду выпускают тонко, потом закрывают дренаж плотным материалом.

— Здесь колесо пройдёт? — спрашиваю я.

— После слоя и трамбовки. Сейчас человек провалится.

Он не обижается на вопрос, но отвечает так, чтобы я не принял будущую дорогу за нынешнюю.

Мы едем к середине. Там первая восстановленная воронка уже сравнялась с землёй, но старшина не снимает ограждение. По ней прогоняют нагруженную телегу. Не пустую. Колесо идёт медленно, оставляя след. На одном участке след глубже.

— Стоп телеге, — говорит старшина. — Отметь. Верх снять.

— Там всего палец, — возражает человек с лопатой.

— Палец сейчас станет ладонью под самолётом. Снять.

Они снимают верхний слой именно на мягком пятне, добавляют плотный грунт, трамбуют снова. Телега проходит второй раз. След одинаковый.

— Теперь принимаю под следующий промер, — говорит старшина.

Рабочий коридор начинает появляться не там, где была прежняя ось полосы, а чуть севернее. Две небольшие ямы остаются за флажками справа. Одну засыпают для общего движения, но самолёт через неё не поведут. Это важно. Засыпанная земля не обязана сразу стать взлётной полосой только потому, что перестала быть ямой.

— Флаги пойдут отсюда, — говорит человек с рейкой. — Левый ряд вдоль твёрдого. Правый обходит два участка.

— Насколько сужается?

Он показывает.

Я смотрю вдоль будущего разбега. Слева свежая засыпка, справа флажки, впереди развилка у сосны. Белая доска пока лежит на телеге. Её нельзя ставить, пока не выбран точный край прекращения.

— Доску где? — спрашиваю я.

— Предлагали возле последнего принятого участка.

— Тогда она будет говорить «продолжай», а мне нужна граница, после которой я уже не остановлюсь в рабочем коридоре.

— Она и должна быть границей.

— Значит, ставим не возле последнего ремонта. Ставим по длине разбега и торможения с моей ногой, до сужения у сосны.

Гордеев подходит с другой стороны.

— Развилка у раздвоенной сосны остаётся видимым последним ориентиром, — говорит он. — Белая доска должна быть раньше неё. До доски отказ или полная педаль — прекращаешь. После доски только если машина уже не может безопасно остаться на земле.

— Сначала промеряем расстояние, — отвечаю я. — Не ставим по разговору.

Человек с мерным шнуром идёт от точки начала разбега. Второй держит колышек. Мы не идём за ними, чтобы не сбивать счёт. Я смотрю, как шнур ложится по земле, как каждый участок получает длину. Потом данные возвращаются.

Литвинов, приехавший на другой телеге, сверяет длину с массой, условиями и принятой работой моторов.

— При текущей массе рабочий коридор достаточен при штатном разбеге, — говорит он. — Запас до сужения меньше прежнего. Белая доска здесь даст решение до развилки. После неё раздвоенная сосна будет уже не командой, а подтверждением, что земля заканчивается.

— Ставьте, — говорит Гордеев.

Белую доску снимают с телеги. Два человека несут её к левому краю. Первый ставит лицом к полосе, но нижний угол уходит в мягкую землю, доска наклоняется.

— Нет, — говорю я. — Ночью она станет узкой серой полосой. Подложите камень и поверните на меня.

— Ветер собьёт, — отвечает человек.

— Тогда забейте второй кол. Мне нужна плоскость, а не обещание, что она где-то стоит.

Они ставят второй кол, разворачивают доску. Теперь белое поле ловит остаток света и видно от начала коридора.

— Ночью подсветка? — спрашиваю я.

— Только прикрытая с земли. По команде перед рулением.

— Проверю из кабины.

— После врача, — напоминает Лавров.

Западные пять участков открывают для работы последними. Одна воронка за границей поля не мешает разбегу, но её вал закрывает обзор флажка. Вал снимают, землю используют в соседнем повреждении. Вторая лежит у развилки дорожек и мешает подвезти материал. Её приходится закрывать раньше глубокой третьей, хотя по размеру она не главная.

— Почему не начать с глубокой? — спрашивает писарь.

— Потому что телега к ней не пройдёт, пока эта открыта, — отвечает старшина. — Важность ямы определяется не глубиной, а тем, что она держит за собой.

Это правило годится не только для земли. Маленькая ошибка в учёте держит за собой всю заправку. Одна рукавица под тросом — весь груз. Короткое двоение у Тимки — весь сектор. Моя правая педаль — весь разбег. Война любит маленькие места, через которые должна пройти большая работа.

На западной развилке загруженная телега застревает не колесом, а осью. Земля между колеями поднялась после разрыва. Возница хочет дать лошади ходом.

— Не рви! — кричит старшина. — Ось оставишь здесь.

Лошадь отводят. Груз снимают до половины. Под ось выкапывают короткий проход, колёса ставят на доски. Люди тянут телегу руками, не кнутом. Она выходит. Лошадь возвращают только после того, как путь ровный.

Слой за слоем запад принимает грунт. Трамбовки падают. Пот течёт по лицам, превращая пыль в тёмные дорожки. Никто не знает, будет ли ещё налёт, пока они стоят в открытом поле. Поэтому один человек у каждого участка смотрит не вниз, а в небо. Его работа — первым услышать гул. Он не берёт лопату, даже когда руки рядом устали.

— Чего стоишь? — бросает ему молодой техник.

— Слушаю за тебя.

Техник поднимает голову, понимает и возвращается к земле.

К моменту, когда пятнадцатый участок получает белую отметку сапёров, не все пятнадцать стали частью полосы. Три лежат вне рабочего коридора и только ограждены. Две засыпаны для проезда, но выведены за флажки. Остальные приняты послойно, после трамбовки и прохода нагруженной телеги. Пятнадцать разрывов не превращаются в одну удобную фразу «полосу восстановили». Каждый оставляет своё решение на земле.

Старшина идёт вдоль коридора с рейкой. Проверяет стыки старого и нового грунта. За ним катят тяжёлый валик. Там, где валик подпрыгивает, ставят мел. Люди возвращаются с лопатами. Последний проход ровнее.

Флажки выставляют двумя рядами. Не по прямой довоенной оси, а по принятому твёрдому пути. На одном месте правый ряд делает едва заметную дугу, обходя мягкую засыпку. Для автомобиля это пустяк. Для разбега тяжёлого бомбардировщика — команда ноге и рулю.

Я запоминаю дугу. До неё малый ход педали. На ней самолёт должен уже идти ровно. После белой доски решение об остановке меняется. Раздвоенная сосна отмечает сужение, но не заменяет расчёт.

— Хочу пройти первые двадцать шагов, — говорю Лиде, когда повозка возвращает нас к началу.

Она смотрит на колено, потом на землю.

— Десять туда, десять обратно. Костыль. Лавров справа. На свежую засыпку не ставишь ни ногу, ни костыль.

Я спускаюсь. Первый участок старый, твёрдый. Второй пересекает край ремонта. По нему уже прошла нагруженная телега, но человеческая ступня всё равно чувствует разницу. Старая земля отдаёт сухо. Новая чуть глуше.

— Чувствуешь? — спрашивает старшина.

— Чувствую.

— Колесо тоже почувствует, только пожаловаться не успеет. Поэтому флаг левее.

Мы доходим до десятого шага. Я останавливаюсь сам, не жду Лиды. Возвращаюсь через левый разворот. Колено держит тупую боль без прострела.

— Теперь к ящику, — говорит она. — Следующая проверка у самолёта. Полоса своё показала.

За спиной трамбовка падает ещё раз. Глухой удар уходит по земле. Рабочий коридор готовится принять не рассказ о восстановлении, а вес «Тринадцатого».

Сапёры открывают подход к самолёту только после полосы. Руденко первым переступает границу. Наклоняется не за отвёрткой, лежащей возле колеса, а за светлой полосой ткани. Отвёртка остаётся там, где упала при тревоге. Её положение само подтверждает, что никто не работал у борта во время налёта.

— Начинаю с того, что вижу, — говорит Руденко. — Самолёт не сдвинут. Стойки по следам на месте. Брезент закреплён. На правой плоскости свежая пыль. Не стирать, пока не найдём направление.

Он ведёт лампу косо, хотя вечерний свет ещё держится. В пыли видны две дорожки. Одна широкая от воздушной волны. Вторая тонкая, оставленная комком земли, который прокатился по слою пыли и упал.

— Сначала сдуем свободное, — говорит он. — Не трите. Под пылью может быть царапина, а тряпкой сами её сделаете.

Люди работают мягкими щётками от середины наружу. Под правой плоскостью и на нижней обшивке металл остаётся целым. Руденко проходит светом каждый участок, где пыль могла скрыть след, и не ставит ни одной меловой метки.

— Повреждений после налёта не нашёл, — говорит он. — Только пыль. Убираем её и идём дальше.

Наружная турельная обшивка, которую ремонтировали до налёта, получает отдельный круг. Косой свет. Крепёж. Нажим. Возврат. Чёрной линии нет.

— Ремонт держит, — говорит Руденко. — Теперь управление.

Люди занимают поверхности. Движение идёт снаружи, потому что меня ещё не пустили в кабину. Тяги проходят. Нейтраль возвращается. У хвоста находят песок в узкой выемке возле наружного шарнира. Не объявляют заклиниванием. Очищают кистью, двигают снова, сравнивают усилие.

— После очистки свободно, — докладывает человек.

— Запиши, что песок был после налёта, — говорит Руденко. — Если завтра найдём снова, будем искать, откуда его тянет. Сейчас не прячем под словом «свободно».

Начальник вооружения идёт к подвеске только после внешнего осмотра подхода. Никто не становится под грузом. Сначала смотрят положение предохранений. Потом замки через доступные точки. Бомбы не перевешивают и не двигают.

— Состав прежний, — говорит он. — Положение прежнее. Предохранения на местах. Следов смещения нет. После посадки экипажа снимем только то, что положено финальной командой. Налёт не создаёт второй подвески и второго расчёта.

Пантелеев проверяет корпус своей ёмкости, потом горловины самолёта. Под крылом сухо. Наземный запас не пострадал. Ночной уровень не пересчитывают от испуга.

— Горючее в принятой норме, — докладывает он. — Доступы сухие. К заправке не возвращаюсь.

Кислородный техник проходит баллоны, линии и крепления после воздушной волны. Давление сохраняется. Маски лежат на назначенных местах. Он не надевает их на людей сейчас. Только принимает систему к последней посадке.

Плешаков оставляет моторы напоследок. Обходит оба капота. У правого двигателя задерживается возле ремонтного соединения дольше. Просит открыть доступ после того, как площадка освобождена. Пыль вокруг сухая, метка на месте.

— Внешний осмотр после налёта принят, — говорит он. — Соединение сухое. Перед запуском повторю рукой и светом. После прогрева — ещё раз. Сейчас капот закрыть.

Каждый закрывает свою часть новой подписью. Руденко — планер и управление после налёта. Начальник вооружения — подвеску. Пантелеев — горючее. Кислородный техник — систему. Плешаков — допуск двигателей к окончательному пуску.

Глава 3



Лида смотрит на подписи и зовёт экипаж.

Тимка проходит зрение первым. Дальняя строка, ближняя, перевод на верхнюю установку, короткая группа на радиостанции. Двоение появляется один раз на резком повороте головы.

— Голову так не бросаешь, — говорит Лида.

— Установкой веду цель.

— Если двоение не проходит после одного моргания?

— Называю командиру. Сектор принимает решение по факту, не по моему молчанию.

— Ночной допуск даю с этим ограничением. После посадки осмотр сразу.

Федя входит в нижнее место с помощником, показывает открытие люка, доступ к оружию и лодке. Правое плечо не уходит назад. Выходит с помощью, не цепляясь повязкой.

— Боль?

— Та же. Локоть меньше.

— Ночной допуск даю. Вход и выход только с помощником. Правый сектор не расширяешь. После посадки ко мне.

Литвинов работает правой рукой по новой временной сетке. Лида заставляет его не просто поставить три цифры, а переложить карту, достать маску, вернуть карандаш и застегнуть планшет. Левая остаётся в петле.

— Способен работать весь круг правой, — говорит она. — Ночной допуск даю. Левой не помогаешь даже на развороте карты. После посадки осмотр.

— А если карта упрётся?

— Попросишь Тимку или командира. Самолюбие в массу не считали.

Я остаюсь последним. Лида сначала проверяет ход без сапога, потом затягивает его так, как будет на старте. Мы идём к стремянке. Лавров справа. Вхожу в кабину тем же порядком, что до тревоги. Боль тупая, граница не хуже первой проверки.

В кресле я ставлю ногу на педаль. Руденко уже расставил людей снаружи. Малый ход вправо. Возврат. Влево. Тормоз каждой стороны отдельно. Большой сапог всё ещё съедает начало, но теперь я знаю величину слабого места и не ищу педаль коленом.

— До белой доски отказ или требование полной педали? — спрашивает Лида с края кабины.

— Прекращаю взлёт.

— После доски?

— Решение по фактическому отрыву и оставшейся земле. Раздвоенная сосна подтверждает сужение. Не заменяет доску.

— На рулении?

— Малые ходы. Без рывка. Если нога даёт резкую боль или не возвращает педаль, оста-
навливаюсь.

— Посадка?

— Перед выпуском и заходом проверяю функцию. Если не держит, докладываю и строю заход с учётом ограничения, не скрываю.

Лида кладёт ладонь на колено. Я веду педаль до рабочей границы, возвращаю. Дрожь меньше, чем после первой проверки.

— Официальный ночной допуск даю, — говорит она. — Самостоятельно до кабины и после посадки не ходишь. Руление малым ходом. Взлёт прекращаешь по названному условию. Нogu не заставляешь изображать полный диапазон. После возвращения осмотр немедленно.

— Принимаю.

— Это уже не ограниченный вход. Это полётный допуск с условиями. Не перепутай и не расширяй.

— Не перепутаю.

Она спускается. Теперь последний человеческий ворот закрыт не надеждой, а проверенной функцией.

Гордеев принимает новую временную сетку Литвинова у белой доски. Штурман показывает маршрут, свежий ветер и часовой сдвиг.

— Старт на один час раньше, — говорит Гордеев. — Причина — налёт и подозрение на проверку готовности. Маршрут, цели, нагрузка, горячее прежние.

— Сетка пересчитана, — отвечает Литвинов. — Свет по первым точкам обновлён. Решение у Штеттина остаётся на месте маршрута. Остаток по новой сводке в принятой границе.

— Командир?

Я смотрю вдоль флажков. Белая доска видна. Дуга правого ряда у свежего участка различима. Раздвоенная сосна стоит дальше, тёмная на вечернем небе.

— Коридор принимаю к рулению и пробному проходу до исполнительного. Перед раз-
бегом проверю доску из кабины ещё раз.

Старшина полосы не отдаёт землю одним словом.

— Пятнадцать мест учтены. Три вне коридора ограждены. Два приняты для проезда, но выведены за флажки. Остальные закрыты слоями, утрамбованы, прошли нагруженную телегу и валик. Рабочий коридор обозначен. Мягкие места справа у дуги обойдены. До утра флажки не двигать.

— Ясно, — говорит Гордеев. — Полоса принята по обозначенному коридору.

Темнота приходит не сразу. Сначала исчезает цвет земли. Потом флажки становятся серыми. Только белая доска ещё держит свет. Люди зажигают прикрытые огни по команде,

проверяют их с земли и сразу гасят до руления. Мы знаем, где они будут, но не выдаём поле раньше времени.

У «Тринадцатого» начинается последний круг. Не ещё одна полная подготовка, а проверка того, что могло измениться после налёта и восстановления.

Руденко снимает ограждение. Поднимает отвёртку из песка только теперь, показывает всем.

— Лежала на земле с тревоги. В самолёт не попадала. Убираю в ящик.

Он проходит внешнее управление, закрытия, люки и восстановленную обшивку. Каждый человек у поверхности отвечает. Никакой пыли в шарнирах. Никакого свободного брезента. Подходы очищены.

Начальник вооружения снимает предохранения только в назначенной последовательности. Каждый снятый предмет уходит в отдельный короб и считается вслух. Под подвеской по-прежнему никто не стоит.

— Состав окончательно принят, — говорит он. — Замки и страховки без изменения. Предохранения сняты по команде. Экипажу не касаться подвески до сброса или возвращения.

Кислородный техник соединяет линии на людях. Маски доступны. Давление принято. Радиотехник даёт последнюю короткую проверку рабочей волны, запасной и переговорного устройства. Тимка принимает группу без ошибки.

— Двоение? — спрашиваю я.

— Нет. Слышу четверых. Вижу один указатель.

Федя отвечает снизу.

— Нижнее место готово. Лодка и свободный конец доступны. Правое плечо в своём секторе.

Литвинов закрепляет сухую карту. Новая сетка времени лежит справа. Мокрая тетрадь остаётся закрытой у санитаров.

— Маршрут готов, — говорит он. — Берлин основной. Штеттин запасной. Свежий ветер внесён. Время сдвинуто на час раньше. Горючее и нагрузка прежние.

Пантелеев делает один наружный круг горловин. Сухо. Никакого шланга рядом уже нет.

— Ночная норма в баках. Наземный учёт закрыт. К самолёту не возвращаюсь.

Плешаков остаётся у правого двигателя. Открывает последний доступ. Свет идёт на ремонтное соединение. Сухо. Метка на месте. Он закрывает, проверяет крепёж и отводит людей от винтов.

— Теперь моторы, — говорит он.

Я сижу в кабине. Ремни затянуты. Правая нога устроена на педали. Белая доска ещё не видна из стоянки, только тёмная линия флажков дальше. Под крылом люди заканчивают отход.

— Площадка свободна, — докладывает Руденко.

— Огнетушители на местах, — отвечает человек сбоку.

— Левый запускаем, — говорит Плешаков.

Я прохожу предпусковую карту без сокращений. Топливные краны. Шаг. Тормоза. Приборы. Команды слышат снаружи. Стартер берёт левый М-88. Винт медленно проворачивается, быстрее. Первый цилиндр отвечает, второй подхватывает, мотор кашляет густым дымом и собирается в ровный грохот.

Вибрация проходит через кресло и правое колено. Боль не меняется. Я удерживаю педаль малым усилием, проверяю приборы.

— Левый работает, — докладываю.

Плешаков слушает снаружи. Не машет сразу. Держит ладонь поднятой, пока звук не становится ровным и масло не приходит в принятую границу.

— Левый принимаю на прогрев, — говорит он.

Правый запускается вторым. На первых оборотах я слышу в нём каждую прежнюю тревогу. Ремонтное соединение существует для моего уха отдельным звуком, хотя металл не обязан звучать иначе. Плешаков стоит у безопасной точки и смотрит не на меня, а на приборы земли и доступ.

Правый подхватывает. Два М-88 складываются в общий грохот. Воздух за винтами прижимает траву. Поднятая после налёта пыль пытается войти в глаза людям, но площадку заранее полили там, где можно.

— Давление есть, — говорю я. — Температуры растут вместе. Правый ровный.

Плешаков делает финальный наружный осмотр на прогреве. К ремонтному соединению не лезет рукой под работающим мотором. Смотрит с принятого места, получает доклад наблюдателя, проверяет отсутствие свежего следа доступным способом.

— Правый сухой. Левый сухой. Обшивка после вибрации держит, — докладывает Руденко со своей стороны.

Мы выводим двигатели на проверочные режимы по очереди. Не одновременно, чтобы слышать каждый. Левый отвечает. Приборы держат. Возврат. Правый. Я слушаю короткий участок, о котором говорил Плешакову после дневного вылета. Никакого провала. Никакого подаренного себе успокоения, только стрелки и звук.

— Правый режим выдержал, — говорю я.

Плешаков поднимается на видимую точку сбоку и показывает закрытый кулак. Последнее земное слово ещё не сказано. Сначала оба мотора возвращаются на малый режим. Он проходит взглядом людей, площадку, капоты.

— Оба М-88 к выруливанию приняты, — говорит он в переговорную трубу. — Правое соединение сухое после дневного полёта, охлаждения, налёта и прогрева. Левый без замечаний. Это моё последнее техническое слово до возвращения.

— Принял, — отвечаю я.

— Теперь не испортить.

Он отходит. Руденко снимает колодки по команде и показывает их обеими руками. Люди уходят за крыло. Остаётся только сигнальщик впереди.

— Экипаж, готовность, — говорю я.

— Штурман готов.

— Радист готов. Слышу.

— Нижний готов. Держи волну.

— Командир готов.

Тормоза отпускаю малым движением. «Тринадцатый» трогается. Сначала кажется, что земля держит колёса, потом тяжёлый самолёт медленно идёт за сигнальщиком. Правая нога выбирает слабинку большого сапога. Малый ход педали. Тормоз. Возврат. Всё отвечает в названной границе.

Прикрытые огни полосы зажигаются впереди. Флажки возникают двумя рядами. На правой стороне видна дуга, обходящая мягкий участок. Сигнальщик ведёт нас туда, не срезая через свежую землю.

Первый стык старого и нового грунта проходит под колесом глухим толчком. Самолёт качает. Я не ловлю его резкой педалью. Даю малый ход, выравниваю. Нога держит.

— Первый ремонт прошли, — говорит Литвинов.

— Вижу.

Второй участок мягче на звук, но колесо не вязнет. Справа остаётся ограждённая воронка. Её тёмная глубина на мгновение попадает в боковое зрение и уходит за крыло.

У исполнительного старшина полосы стоит с фонарём, прикрытым ладонью. Показывает остановку. Я торможу ровно, не дёргая правой ногой. «Тринадцатый» замирает перед разворотом на рабочий коридор.

Лида с земли уже не может проверить колено. Теперь это моя обязанность и моя честность. Я отпускаю напряжение, снова выбираю слабинку педали, даю малый ход вправо и возвращаю.

— Нога? — спрашивает Литвинов.

— Рабочая граница прежняя. Резкой боли нет.

— Белая доска?

Сигнальщик открывает прикрытый огонь у края. Белая доска появляется впереди слева. Дальше темнеет раздвоенная сосна. Два ориентира стоят отдельно, как договорились.

— Доску вижу. Сосну вижу. Доска раньше сужения.

— Длина коридора совпадает, — говорит Литвинов. — Ветер по последней сводке.

Мы разворачиваемся на полосу. Правый ряд флажков делает малую дугу. Я веду самолёт по ней медленно. Нос выходит на рабочую ось. Останавливаюсь.

Два М-88 гремят впереди. За спиной лежат пятнадцать мест, которые люди вырыли из войны обратно в землю. Под крыльями висят бомбы, подвешенные один раз по одному расчёту. В баках ночная норма, собранная из дневного остатка и точной добавки с уменьшенного склада. В кислородных линиях ждёт высота. В каждом из нас боль получила имя и границу.

— Последняя готовность, — говорю я.

— Маршрут готов. Время новое. Берлин.

— Связь готова. Один указатель.

— Нижний готов. Лодка со мной.

Я поднимаю обороты. Самолёт упирается в тормоза. Приборы идут в рабочие границы. Левый. Правый. Оба вместе. Ни один звук не требует остановки.

Белая доска стоит впереди. До неё отказ мотора, резкая боль или требование полной педали означают прекращение. После неё решение изменится. Я повторяю это не как страх, а как действие, уже положенное в тело.

— Взлетаем, — говорю я.

Отпускаю тормоза.

«Тринадцатый» начинает разбег. Первые метры тяжёлые. Земля стучит в стойки, моторы тянут шумом и телом. Я держу нос по флажкам малыми движениями. Большой сапог запаздывает на долю, но нога знает эту долю и выбирает её заранее.

Первый восстановленный стык проходит под нами. Толчок. Самолёт остаётся на оси.

— Скорость растёт, — говорит Литвинов.

Дуга справа приближается. Я не жду, пока она потребует резкого движения. Чуть даю педаль, возвращаю. Правые флажки проходят ровно. Мягкий участок остаётся за ними, вне колёс.

Второй стык бьёт сильнее. Колено отвечает тупой болью. Не прострелом. Педаль возвращается.

— Нога держит, — говорю я прежде вопроса.

Белая доска растёт слева. До неё ещё можно остановиться. Моторы ровные. Полоса впереди свободна. Педали отвечают. Я прохожу точку решения.

— Доску прошли, — говорит Литвинов.

Раздвоенная сосна приближается дальше. Самолёт становится легче на колёсах, но ещё катится. Штурвал начинает жить в руках иначе. Поток уже держит поверхности. Я снимаю с носовой стойки лишний вес, не вырывая машину из земли.

— Скорость отрыва, — говорит Литвинов.

Я беру штурвал на себя ровно настолько, сколько требует «Тринадцатый».

Земля стучит последний раз.

Главные колёса освобождают полосу, и между резиной и тёмным рабочим коридором появляется узкая полоска воздуха.

Часть V. Тринадцатый над Берлином

Полоска воздуха под колёсами расширяется. Удары земли прекращаются не сразу: ещё один толчок приходит через стойки уже по памяти самолёта, потом остаётся только ровная дрожь двух М-88 и тяжесть штурвала, который просит дать машине набрать скорость над самым полем.

— Не тянуть, — говорит Литвинов. — Впереди сосна.

Раздвоенный ствол проходит ниже правого крыла. До верхушек ещё так близко, что в свете прикрытых огней я различаю отдельные ветви. Я держу «Тринадцатого» без набора, пока стрелка скорости не отходит от опасной черты. Правая нога лежит на педали. Большой сапог съедает начало движения, но колено отвечает. Тупая боль остаётся там же, где была на разбеге, и не превращается в новый приказ.

— Колёса? — спрашиваю я.

— От земли чисто, — отвечает Федя снизу. — Левое вижу. Правое Тимка подтвердил. Держи волну, командир, трава уже не наша.

— Убирать.

Механизм берёт стойки с натугой. Сначала меняется шум под брюхом, потом самолёт чуть проседает носом. Левое колесо идёт в нишу быстрее правого. Я не помогаю машине штурвалом, пока люди не назовут, что происходит.

— Левое в замке, — говорит Тимка.

— Правое идёт, — отвечает Федя. — Ещё идёт. Теперь закрылось.

Лампочки подтверждают их слова. Только после этого я позволяю носу подняться на первый расчётный угол. Поле остаётся позади тёмным прямоугольником с одной белой точкой доски. Огонь у исполнительного гаснет прежде, чем мы набираем сто метров. Земля, которую весь полк вытащил из пятнадцати воронок, снова исчезает в общей темноте острова.

Впереди море. Над ним нет ни линии горизонта, ни света, только разная густота черноты. Я убираю руку с рычага шасси и проверяю, что она не дрожит. Правая нога возвращает педаль после малого движения. В колене горячо, но функция прежняя.

— Литвинов, выход на первый участок.

— После отрыва идём прежним набором до берега, затем довернём на расчётный. Новый час уже в сетке. Не гони высоту, пока группа не соберётся.

— Тимка, наружный сектор.

— Сзади чисто. Первый сосед слева ниже нас, второй дальше и выше. Третьего пока не отделяю от земли.

— Федя?

— Справа одна машина. Идёт на нашем хвосте, но далеко. Под брюхом море начинается. Берег ушёл.

Прежде чем поднимать нос дальше, я прохожу первый полный круг приборов после отрыва. Не одной полосой взгляда, а по функциям. Скорость подтверждает, что крыло уже держит. Вариометр показывает набор. Высотомер отходит от земли без скачка. Горизонт стоит ровно. Компас начинает жить после разворота с полосы. Давление масла у обоих моторов поднялось в рабочую область. Температуры пока рядом.

Лампочка правого замка шасси кажется тусклее левой. Я не решаю по яркости, что колесо не дошло: подсветка приборов бьёт в стекло под разным углом.

— Тимка, правое колесо ещё раз наружным признаком.

Он наклоняет верхнюю установку в доступной дуге, не бросая голову.

— Стойки снаружи не вижу. Ниша закрыта тёмной плоскостью. Ничего под крылом не качается.

— Федя, низ.

— Правого колеса нет в потоке. Створка по силуэту лежит. Левое тоже убрано.

Я на секунду прикрываю ладонью общую подсветку. Без блика обе лампочки выглядят одинаково.

— Замки подтверждены лампами и людьми. Подсветку уменьшаю на одно деление.

Свет становится слабее. Теперь стрелки читаются, а отражение моей руки исчезает с фонаря. Цена — мелкие цифры требуют более долгого взгляда, поэтому я не буду искать их все сразу в одном месте.

— Литвинов, высота по твоему прибору.

Он называет.

Моя совпадает в пределах движения стрелки.

— Курс после полосы?

Он называет значение и ожидаемый дрейф до первого поворота.

— Совпадает. Тимка, связь внутри.

— Командира слышу. Штурмана слышу. Федю слышу. Себя не считаю. Рабочая волна стоит, наружу не передаю.

— Федя, нижнее место.

— Люк на замке. Лодка закреплена. Свободный конец доступен. Установка на предохранении, лента полная. Правое плечо в передней границе.

— Литвинов.

— Сухая карта закреплена. Новая временная сетка справа. Карандаш в правой. Левая в петле. Первый поворот после береговой отметки.

Воздух подтверждает земные действия одно за другим. Колёса действительно ушли. Давление действительно пришло. Люди действительно слышат друг друга после грохота взлёта. Карта не сорвалась. Только теперь тяжёлая машина получает право продолжить набор, а не просто надеяться, что подготовка сохранилась сама.

Я даю «Тринадцатому» ещё немного скорости и только затем начинаю набор. В тяжёлой ночной машине любое раннее желание подняться оплачивается температурой. Левый мотор принимает режим ровно. Правый сперва тоже. Через полминуты его стрелка температуры отрывается от левой на одно деление.

Я вижу это раньше, чем успеваю назвать.

— Правый теплее, — говорит Литвинов. — Пока в границе.

— Вижу. Плешаков просил не лечить тревогой то, что держит.

Я не убираю газ резко. Чуть уменьшаю угол набора и отдаю самолёту несколько километров скорости. Воздух начинает проходить через мотор плотнее. Высота прибывает медленнее, зато температура перестаёт ползти.

Глава 4



— Сосед слева набирает круче, — говорит Тимка. — Уходит над нами.

— Пусть. За ним не тянемся.

Над морем чужая машина в строю видна не как самолёт, а как пропажа звёзд. Когда она проходит выше, звёздный рисунок на секунду ломается, потом восстанавливается. Я держу свой угол. Если сейчас полезу за соседним брюхом, правый мотор снова попросит цену, а группа ещё не успела принять общий ход.

Стрелка правого останавливается. Через минуту возвращается на половину деления.

— Температура держит, — докладываю я. — Режим сохраняю.

— По времени отстаём на сорок секунд от новой сетки, — отвечает Литвинов. — Это допустимо. До первой точки вернём скоростью после набора, не мотором сейчас.

Тимка называет третью машину. Она появляется слева сзади, слишком низко, потом медленно поднимается к своему месту. Федя ведёт правую. Ни один из них не говорит «строй собран», пока световые точки не перестают менять взаимное положение.

— Слева две, обе держат, — говорит Тимка. — Ближняя чуть впереди нашего крыла. Дальняя на её хвосте.

— Справа одна, ниже на полкорпуса, — отвечает Федя. — Не приближается.

— Остальных не вижу.

— Не выдумывай остальных, — говорю я. — Держим тех, кого подтвердили.

Слова приходится сразу превратить в порядок работы. Пока взгляд ещё сам тянется к каждой точке вокруг, я распределяю не людей вообще, а куски ночи, которые иначе останутся между ними.

— Тимка, от левой законцовки через верх до хвоста. Ближняя и дальняя слева твои. Световые знаки тоже. Федя, всё под правым мотором, нижняя полусфера и правая машина.

Землю называешь, если она появляется. Перед носом и приборы оставляете мне. Литвинов держит курс, время и общую форму группы по вашим словам.

— Верх и левый борт взял, — отвечает Тимка, переставляя установку вместе с корпусом. — Ближнюю сейчас вижу по выхлопу, дальнюю по огню у крыла. Между ними две длины ближней машины.

— Правый низ взял, — говорит Федя. — Машина остаётся ниже. Под ней ничего, кроме воды. Корму беру при каждом полном проходе установки.

Литвинов не повторяет их доклады. Он проводит на свободном краю листа четыре короткие черты, одну справа и две слева, а середину оставляет нам. Теперь всякий новый голос должен двигать свою черту, а не начинать картину сначала.

Первая проверка приходит почти сразу. Левая ближняя машина на несколько секунд исчезает, хотя небо над её местом чисто. Тимка не бросает установку и не объявляет потерю.

— Ближняя заслонена своим выхлопом, — говорит он. — Вижу красный отблеск на дыме, самого профиля нет. Дальняя остаётся за ней.

— Если обе пропадут вместе?

— Назову закрытие одного направления, не две потери.

Тёмная масса появляется снова, когда выхлоп относит вниз. Сначала проступает один край крыла, затем световая точка. Расстояние не изменилось. Тимка переносит установку к корме, проверяет пустую дугу и возвращается к ближней ровно тогда, когда та начинает подниматься.

— Левая выше на четверть корпуса. Скорость сближения малая.

— Литвинов, что ей даст наш следующий набор?

Штурман смотрит на высоту, затем на черту Тимки.

— Если мы сохраним нынешний угол, она выйдет вровень раньше береговой точки. Если добавим, снова спрячется под крылом и придётся угадывать интервал. Набор пока прежний.

— Прежний, — повторяю я и оставляю штурвал там, где он стоит.

Правый мотор напоминает о себе не стрелкой, а едва заметным изменением дрожи на ладони. Я проверяю обороты, давление, температуру. Стрелки не ушли. Просто воздух над морем стал ровнее, и прежняя вибрация теперь слышнее на фоне исчезнувших ударов полосы.

— Правый без приборного изменения. Дрожь стала заметнее из-за ровного воздуха, режим не трогаю.

— Снизу ровно, — подтверждает Федя. — Нового биения по обшивке нет.

Впереди возникает тусклое пятно. Оно движется против нас слишком медленно для самолёта и слишком быстро для звезды. Я вижу его через нижний край фонаря, но не отвожу взгляд от приборов дольше одного удара сердца.

— Федя, под носом свет.

Нижняя установка идёт вперёд до ограничителя. Федя ищет пятно через другое стекло.

— Вижу. Низко над водой, один белый и рядом слабый красный. Это судно или береговой огонь за волной. Относительное движение назад началось.

— В наш курс входит?

— Нет. Проходит справа под нами. Высоты не имеет.

— Литвинов, как ориентир годится?

— Нет. Один огонь на воде не даёт места. Пусть Федя только проводит его до хвоста, чтобы не принять потом за правую машину.

Свет проходит ниже правой мотогондолы. На секунду теряется за ней, затем возникает дальше к корме. Одновременно правая машина даёт короткую вспышку выхлопа, и два огня оказываются почти на одной линии.

— Правый борт выше, судно ниже, — говорит Федя раньше, чем они соединяются. — Машина смещается вперёд, нижний свет идёт назад. Не смешиваю.

Он ведёт оба предмета разными движениями: установкой — самолёт, наклоном головы — воду. Когда нижний огонь уходит за хвост, Федя возвращает всю доступную дугу машине.

— Судно позади. Правая снова одна. Высоту набирает, продольный промежуток сокращает.

— Тимка, слева что меняется одновременно?

— Ближняя закончила подъём, теперь идёт вровень. Дальняя осталась ниже неё. Левый край группы сжимается.

Если оставить всё как есть, правая подойдёт к нам, когда левая ближняя окажется у крыла. Пространство вокруг «Тринадцатого» исчезнет сразу с двух сторон. Я не могу раздвинуть группу командой в эфир. Можно только показать собственным движением, какое место мы сохраняем.

— Дам малую прибавку скорости без набора, — говорю я. — Светом — удержание. Тимка, знак слева. Федя, правой следи за скоростью сближения.

Я опускаю нос едва заметно и добавляю обоим моторам одинаковую ступень. Знак уходит в темноту. Ближняя слева отвечает сразу, дальняя — после неё. Правая молчит, но Федя видит, как её огонь перестаёт ползти к мотогондоле.

— Справа сближение остановлено. Она осталась ниже и сзади.

— Слева ближняя отходит на прежний промежуток, — говорит Тимка. — Дальняя не ускорилась.

Скорость прибавляет несколько делений. Правый мотор получает лучший обдув, его температура отстывает. Высота на коротком участке остаётся почти постоянной. Когда пространство вокруг снова открывается, я возвращаю прежний угол.

— Геометрия восстановлена. Режим обратно.

— Время ровного участка ставлю, — говорит Литвинов. — До первого поворота потеряли меньше минуты. Это пока не ошибка маршрута, а фактическое построение.

— Так и пиши. Минуту будем знать, а не догонять вслепую.

Над водой проходит первый разорванный слой облачности. Он не закрывает небо целиком: серые полосы лежат поперёк курса, между ними остаются узкие окна. В ближайшем окне левая ближняя видна целиком, в следующем исчезает её хвост. Правая машина входит под серую полосу раньше нас.

— Сейчас начнут пропадать по очереди, — говорит Тимка. — Левую ближнюю держу до кромки. Дальняя уже в сером.

— Не перестраиваемся внутри полос, — отвечает Литвинов. — Курс и высота неизменны. На выходе каждый должен оказаться там, куда шёл до облака.

Первая полоса проходит по фонарю каплями. Звук потока становится глухим. Внешняя точка слева тускнеет, потом гаснет. Я продолжаю по авиагоризонту и компасу. Тимка не ищет самолёт движением головы, а держит установку на последнем угле.

— Ближняя потеряна за влагой. Последнее положение безопасное. Дальней не было раньше.

— Справа моя скрылась до входа, — говорит Федя. — Нижний сектор пустой.

Второе окно открывается неожиданно. Справа внизу появляется тёмный фюзеляж, но он ближе, чем был до облака. Федя не называет его своим сразу.

— Силуэт справа под нами. Профиль двухмоторный. Света нет. Идёт почти нашим курсом, сближение возможно.

— Последняя правая могла выйти туда?

— Могла, если в облаке поднялась. Но положение ближе на корпус.

— Ждём установленный знак. Сами не даём.

Силуэт проходит через светлое окно и снова касается серой кромки. На его борту вспыхивает короткая последовательность: один огонь, пауза, два более коротких. Именно так правая машина отвечала перед взлётом.

— Свет совпал, — говорит Федя. — Профиль совпадает. Но место ещё проверяю.

— Что с относительным движением?

— Сближение прекратилось. Она чуть ниже, идёт параллельно. Теперь признаю своей: профиль, сигнал и движение сошлись.

— Принято. Не тянуть её к старому месту. Новое безопасно до конца облаков.

Слева Тимка получает свою машину позже. Сначала в окне возникает одно крыло, потом выхлоп. Световая последовательность не видна: борт повернут к нам тёмной стороной.

— Левая ближняя появилась выше прежнего. Профиль похож, света не вижу. Дальней рядом нет.

— Сколько держит?

— Один полный проход окна. Курс параллельный. На следующем просвете попрошу знак нашим установленным креном, без радио.

Я едва показываю плоскостью намерение, не меняя направления. В следующем разрыве облаков левая машина повторяет движение и даёт свет. Только после этого Тимка говорит:

— Ближняя своя. Дальняя всё ещё не подтверждена.

— Литвинов, карта группы.

— Одна слева, одна справа подтверждены. Дальняя левая отсутствует. Наш курс не менялся, высота в пределах. Если она держала расчёт, выйдет позади первой через два окна.

Первое окно остаётся пустым. Во втором Тимка видит только размытый след выхлопа. Третье шире предыдущих, и там ниже левой ближней появляется ещё один самолёт. Он даёт знак не нам, а машине впереди; та отвечает. Цепочка доходит до нас движением крыла.

— Дальняя восстановлена через ближнюю, — говорит Тимка. — Сначала профиль, потом их взаимный знак. Положение ниже на прежний промежуток. Теперь обе слева подтверждены отдельно.

— Время потери?

Литвинов смотрит на часы.

— Четыре минуты от первой серой полосы до полного восстановления. Курс за это время не менялся. В график добавляю только невозможность плотного взаимного наблюдения, не отклонение.

Слой облаков остаётся позади. Внешние сектора снова становятся широкими, но к старому порядку мы не возвращаемся. Тимка продолжает называть левую пару как два разных борта. Федя ведёт правую отдельно от огней на воде. Я больше не трачу взгляд на то, что они уже превратили в проверенные слова.

— Полный внешний круг, — говорю я. — После него набор продолжаем.

— Левая ближняя: вровень, безопасный интервал, знак принят, — докладывает Тимка, ведя установку дальше. — Левая дальняя: ниже и сзади, связь с ближней светом подтверждена. Верх и хвост чисты.

— Правая: ниже, параллельно, сближения нет, профиль и знак совпали, — отвечает Федя. — Под брюхом вода без новых огней. Нижняя корма чиста.

— Время и курс держатся, — говорит Литвинов. — Видимая часть группы снова имеет форму. Добавить набор можно без нового поворота.

Я поднимаю нос на прежний угол. Теперь чужие машины вокруг существуют для меня не световыми точками, которые требуют взгляда, а точными изменениями в голосах Тимки и Феи. Высота начинает расти, и каждый сохраняет свой сектор, потому что следующий участок уже не обещает ровного моря.

Мы подходим к невидимой береговой черте только по времени и по тому, как меняется воздух. Над водой самолёт идёт ровнее. Ближе к суше под правым крылом появляется первая мягкая волна, потом запах дыма проникает даже через масло и кожу кабины. Внизу ничего не видно, но Литвинов готовит переход на карте.

До берега группа ещё не стала строем в том смысле, в каком это слово любят на земле. Мы видим четыре машины из тех, что должны держаться рядом, но каждая живёт собственной борьбой с тяжёлым набором. Левая ближняя то закрывает звезду крылом, то отдаёт её обратно. Дальняя прячется в выхлопе. Правая ниже нас и потому кажется быстрее: её огни ползут вперёд по нижней черноте.

— Тимка, не общий доклад. Ближняя левая по носу.

— Вровень с нашим крылом, нос впереди на половину корпуса. Высота почти наша.

— Дальняя?

— За ближней и ниже. Когда ближняя закрывает, теряю обе.

— Тогда веди дальнюю по промежутку, не по свету. Если промежуток исчезнет, называй сближение.

— Понял. Сейчас промежуток есть.

— Федя, правая.

— Ниже. Нос под нашим правым мотором, но дальше. Поднимается медленнее. Если мы довернём к берегу сейчас, она окажется внутри.

Литвинов уже положил будущий доворот на карту. Его нельзя отменить из-за одной машины, но можно изменить способ входа.

— До точки ещё минута сорок, — говорит он. — Есть время перестроить не самолёты, а сигнал. Покажи крыло сейчас, сам поворот начни через десять секунд. Правая увидит намерение до траектории.

Я даю короткий световой знак и лишь слегка наклоняю левое крыло, не меняя курса. Ближняя слева отвечает. Дальняя повторяет позже. Правая не отвечает.

— Справа без сигнала, — говорит Федя.

— Может, не видит из-под нас, — отвечает Тимка.

— Второй раз тот же знак, — говорю я. — Не другой.

Повторяю. Правая точка вспыхивает один раз, гаснет, затем возвращается в прежнее место.

— Увидела, — говорит Федя. — Нос начал уходить наружу до поворота.

Теперь я могу начать движение, зная, что машина снизу не ползет к внутренней дуге. Мы выигрываем не пространство, а понимание до того, как крылья окажутся рядом.

Первые два градуса беру креном. Левое крыло опускается, и ближняя машина на секунду исчезает под ним.

— Тимка?

— Ближняя скрыта нашим крылом. Дальнюю вижу выше законцовки. Промежуток был безопасный до пропажи.

— Не ищи ближнюю движением установки под крыло. Жди выхода.

— Жду.

Федина правая точка уходит наружу, как и должна. Её путь становится длиннее. Она начинает отставать.

— Правая сохранит место только если добавит, — говорит Федя.

— Пусть решает свой режим. Мы не режем крен ради неё.

На середине доворота ближняя левая появляется впереди своего прежнего места. Лётчик внутри неё дал чуть больше крена, чем мы. Теперь его хвост смотрит на наш нос.

— Слева ближняя пересекает вперёд, — говорит Тимка. — Расстояние пока держится, но уменьшается.

Я вижу только тёмную кромку крыла. Увеличить крен — идти за ней. Уменьшить — подставить бок дальней. Оставляю прежний и чуть убираю скорость, не меняя высоты.

Правый мотор сразу чувствует меньше воздуха. Температурная стрелка поднимается на четверть деления.

— Десять секунд не больше, — говорит Литвинов.

— Тимка, расстояние.

— Перестало уменьшаться. Ближняя уходит вперёд. Её хвост уже левее носа.

Я возвращаю режим. Обдув приходит к мотору. Температура задерживается, затем остаётся на месте.

— Правая отстала на два корпуса, — говорит Федя. — Но внутри не полезла. Держит наружную дугу.

— После выхода дадим ей время, — отвечаю я.

Курс приходит к заданному. Я распрямляю крылья не сразу, а через малую паузу, чтобы задние увидели конец поворота. Ближняя слева оказывается впереди. Дальняя ниже. Правая далеко сзади. Геометрия некрасивая, зато ни один самолёт не занял чужого воздуха.

— Новый курс, — говорит Литвинов.

— Компас подтверждает.

— Время на точке плюс пятьдесят секунд.

— Записывай фактическое.

Федя следит, как правая машина возвращается. Она не приближается прямо к хвосту. Сначала поднимается до нашего уровня, потом начинает сокращать продольный промежуток. Это два отдельных движения, и потому её намерение читается.

— Правая высоту взяла, — говорит Федя. — Теперь идёт вперёд. До места ещё далеко.

— Скажешь, когда скорость сближения уменьшится. Само место не главное. Важно, чтобы не проскочила.

— Пока идёт быстро... медленнее... остановила. Держится сзади справа.

Левая ближняя, наоборот, отдаёт лишнее опережение. Тимка видит, как огонёк ползёт назад к законцовке.

— Ближняя вернулась. Дальняя всё ещё ниже, но промежуток одинаковый. Теперь три слева читаются.

— Справа одна читается, — говорит Федя.

— Остальных не подтверждаем, — напоминаю я.

Мы проходим ещё одну минуту без изменения. Каждый наблюдатель называет не положение вообще, а его изменение. Только когда три доклада подряд совпадают, я принимаю, что видимая часть группы держит нас.

Тепловая тревога правого мотора возвращается на следующей волне. Стрелка отрывается от левой уже не на четверть, а почти на деление. Одновременно давление остаётся ровным, звук не меняется.

— Правый снова теплее, — говорю я.

— Из-за скорости после сбора? — спрашивает Литвинов.

— Скорость прежняя. Воздух над сушей мягче и теплее. Уменьшу набор, не режим.

Я отдаю самолёту десять метров высоты, которые собирался взять сейчас, и перевожу их в скорость. Стрелка вариометра приближается к нулю. Температура ещё полминуты растёт по инерции.

— Не остановилась, — говорит Литвинов.

— Вижу. Правый режим минус малая ступень. Левый оставляю, чтобы не потерять весь ход.

Рычаг правого идёт назад совсем немного. Самолёт хочет повернуться к ослабленному мотору. Правой педалью надо удерживать нос, и больное колено получает постоянную работу.

— Курс уходит влево на один, — говорит Литвинов.

— Возвращаю ногой. Следи за временем.

Педаля выбирает слабинку большого сапога. Нос останавливается. Боль становится горячей, но не резкой. Я держу не полный ход, а ровно то усилие, которое заменяет потерянную тягу справа.

— Температура остановилась, — говорю я через полминуты.

— Курс точный. Высота не растёт. Группа?

— Левые держат, — говорит Тимка. — На изменении режима никто не полез.

— Правая чуть приблизилась, — отвечает Федя. — Наш правый звук изменился, она могла принять за команду.

— Светом покажи удержание, — говорю я.

Один установленный знак сообщает соседям, что изменение звука принадлежит машине, а не маршруту. Правая перестаёт сближаться.

Правый мотор остывает медленно. Когда стрелка возвращается на половину деления от левой, я добавляю не весь режим, а половину снятого. Педаля отпускаю настолько же. Курс остаётся.

— Держит, — говорит Литвинов.

— Ещё полминуты.

Температура не растёт. Тогда возвращаю вторую половину. Правое колено освобождается от постоянного давления.

— Полный расчётный режим восстановлен. Правый стабилен. Цена — минута без набора.

— В сетку внесена, — отвечает Литвинов. — Не будем красть её у следующего ориентира.

Так тепловая тревога заканчивается не чудесным падением стрелки, а новым фактическим временем и болью в ноге, которую пришлось использовать вместо симметричной тяги. Мы сохраняем мотор, но переносим минуту дальше по маршруту.

Глава 5



— Первый берег по времени и сносу, — говорит он. — Теперь доверот четыре градуса вправо. Не сразу. Дай группе увидеть начало.

Я показываю крен, едва заметный в темноте. Тимка следит за левыми, Федя — за правой. Мы начинаем поворот не как один самолёт, а как ряд людей, каждый из которых узнаёт движение по чужому крылу.

— Левая ближняя повторила, — говорит Тимка.

— Правая запаздывает.

Я задерживаю увеличение крена. Правая точка наконец двигается вместе с нами.

— Приняла, — говорит Федя.

Только тогда довожу до нужного курса. Правый мотор остаётся в границе. Минуты, потерянные на наборе, возвращаются не одним нажимом, а тем, что самолёт после выхода на эшелон перестаёт толкать воздух брюхом.

Литвинов просит проверить кислород до того, как высота заставит нас торопиться.

— Пока дышим сами, — говорит он. — На следующей отметке открываем по людям. Не одновременно вслепую.

Я достаю маску с нового места. Ремень проходит к затылку, шланг не цепляется за рычаг. Открываю подачу и делаю три спокойных вдоха. Резина пахнет складом. Воздух сухой, непривычно холодный.

— Командир, кислород идёт. Доступ свободный.

— Штурман открываю, — говорит Литвинов. — Правой рукой. Давление есть. Карта не перекрыта.

Тимка отвечает не сразу.

— Радист?

В переговорном устройстве слышно, как он дышит слишком часто.

— Подача есть. Маска тянет слева.

— Как на земле?

— Нет. На земле держала. Сейчас воздух идёт у щеки.

— Не затягивай всю.

— Если не затяну, свистит.

— Тимка, закрой левый глаз. Найди пряжку правой рукой. Скажи, что видишь.

— Пряжку вижу одну. Ремень выше прокладки. Прокладка съехала вниз.

Самолёт входит в слабую облачную полосу. На стекле появляется белёсая влага. Я не могу повернуться к Тимке и не должен. Его лицо сейчас принадлежит его пальцам и нашим коротким командам.

— Не тяни ремень через ушиб, — говорит Литвинов. — Ослабь правую на одно отверстие, левой рукой верни прокладку вверх, потом подтяни правую.

— Лево́й держу маску.

— Тогда подбородком прижми низ. Правой ослабь. Прокладку сдвинь пальцем той же руки.

— Не достаю.

Федя включается снизу:

— Тимка, у тебя хвост прокладки должен торчать к уху. Не лезь под ремень. Возьми хвост и вытяни вверх. Я на земле видел, как техник ставил.

— Хвост нашёл.

Его дыхание пропадает на два удара сердца. Я удерживаю курс, не добавляя высоту. За нами группа тоже должна пройти облачную полосу. Любое изменение сейчас передастся назад без объяснения.

— Вытянул. Пряжку закрыл. Проверяю.

Тимка делает вдох. Второй. Третий.

— У щеки не свистит. Манометр один. Дальний огонь... один. На переводе не двоится.

— Десять переводов, как с Лидой.

Он считает вслух. На шестом делает паузу.

— Что?

— Облачная вода на стекле. Не глаз. Восьмой. Девятый. Десятый. Маска держит.

— Федя, твоя.

— Подача есть. Лево́й надел. Правое плечо не увёл. Нижний сектор вижу через два стекла, оба настоящие.

— Литвинов, карта после маски.

Он переводит взгляд вниз.

— Шланг лёг поверх правого края. Пока карту не тянет. Если поверну голову влево, зацепит нижний зажим.

— Можешь переложить одной правой?

— Могу снять маску или отпустить карандаш. Одновременно оба предмета не удержу.

— Карандаш под зажим. Маску не снимай.

Он заводит карандаш под металлическую лапку, проверяет, что тот не катится. Затем правой рукой берётся за шланг у груди. Просто перекинуть его поверх карты нельзя: на следующем повороте петля уйдёт к прицелу. Нужно провести под ремнём планшета, не пережав подачу.

— Держу маску лицом, — говорит он. — Освобождаю шланг у плеча.

Слышно, как резина скребёт по ткани. Литвинов тянет, но петля не идёт.

— Где держит?

— Под правым локтем. Я прижал её к борту, когда ставил карту.

Он не может поднять локоть, не отпустив планшет. Левая рука остаётся в петле.

— Тимка, видишь его верхний край?

— Вижу шланг у локтя. Он уходит вниз под край планшета. Достать не могу, ремни не дадут.

— И не тянись, — говорит Литвинов. — Командир, держи ровно десять секунд. Я освобожу сам.

Мы идём устойчивым участком. Я закрепляю руки на штурвале так, чтобы не потребовалось перехватывать, и называю начало.

— Держу. Пошёл отсчёт.

Литвинов подводит правое колено под нижний край планшета. Приподнимает его ровно настолько, чтобы доска прижалась верхом к груди. Карта остаётся между зажимами.

— Планшет держу коленом. Карандаш под зажимом. Маску не трогаю.

Он медленно поднимает правый локоть. Петля шланга освобождается, но вместе с ней наружу идёт край карты.

— Лист поднялся, — говорит Тимка.

Литвинов прижимает его предплечьем, не опуская локоть обратно на шланг.

— Вижу. Сначала слабина к лицу.

Правой рукой он подаёт шланг вверх. Маска держится ремнями, но край у щеки начинает свистеть.

— Воздух у щеки, — говорит он. — Подача есть. Держу лицо неподвижно.

Он перехватывает петлю ближе к груди и проводит вниз снаружи ремня планшета. Первый раз шланг ложится на край карты.

— Не принят. Перекроет строку.

Возвращает петлю, снова подаёт слабину. Правое колено начинает дрожать под доской.

— Пять секунд прошло, — говорю я.

— Хватает. Второй проход под ремень.

Он находит пальцем пространство между ремнём и бортом, продевает шланг туда и вытягивает с другой стороны. Потом опускает локоть уже поверх свободного ремня, не на резину.

— Планшет возвращаю с колена. Карта?

— Верхний край лежит, — говорит Тимка. — Зажим на месте.

Литвинов делает вдох. Второй. Поворачивает голову влево и вправо.

— Подача не пережата. Маска не тянет. Шланг идёт под ремнём и не пересекает карту. Карандаш возвращаю в правую руку.

— Десять секунд закончились. Курс не ушёл.

Одна кислородная линия перестаёт быть мелочью до того, как поворот натянул бы её на лицо штурмана. Цена — десять секунд без карандаша, дрожащее колено под планшетом и две попытки провести шланг, не потеряв карту.

— Федя, свой шланг по плечу.

Он ощупывает линию левой рукой.

— Идёт сверху вдоль правого ремня. На переднем секторе свободен. Если поверну установку назад, натянется через повязку.

— Проверь сейчас без полного движения.

Федя ведёт установку на половину кормовой дуги. Шланг натягивается и начинает тянуть маску вниз.

— Есть. До рабочего кормового положения не дойдёт.

— Возвращай. Перекладывать тем же способом?

— Нет. Мне достаточно вывести его снаружи правого ремня. Сделаю левой, не вставая. Тимка, корму сверху на два вдоха.

— Взял.

Федя отводит установку в нейтраль, вытягивает шланг из-под края повязки и укладывает ближе к груди. Проверяет маску тремя вдохами, затем снова ведёт кормовую дугу.

— Теперь доходит. Маску не тянет. Плечо в прежней границе.

— Корму отдаю, — говорит Тимка.

— Забрал.

Никто не смеётся громко. Но напряжение выходит из голосов. Четыре маски работают не только на лицах: их линии проходят там, где не крадут карту, установку и больную руку. Высота перестаёт быть обещанием техника на земле и становится проверенным устройством внутри живого экипажа.

Проверка ещё не заканчивается. На земле кислород шёл в неподвижных кабинах; здесь каждый поворот головы меняет натяжение ремня, каждый доворот корпуса тянет шланг к другому краю. Нужно провести людей через полный рабочий круг, пока воздух снаружи позволяет держать самолёт ровно.

— Тимка, верхняя дуга в маске от левого борта до правого и обратно. Не быстрее, чем видишь одним изображением.

Он начинает с левой стороны. Верхняя установка идёт медленно. На середине Тимка останавливается.

— Ремень у ушибленной скулы держит. При повороте вправо шланг тянет снизу, но край маски не открывается.

— Дыши три раза в крайнем положении.

В наушниках слышны его вдохи. Ни свиста, ни частого захлёбывания.

— Три. Подача есть. Возвращаю через верх.

На обратном движении облачный свет проходит по стеклу, и дальняя точка на мгновение раздваивается.

— Два изображения на влажном краю, — говорит он. — Закрываю левый глаз. Правым точка одна. Сдвигаю голову на чистую полосу... обоими снова одна. Маска положения не изменила.

— Исправленная прокладка?

— Верхний край под ремнём, хвост у уха, пряжка закрыта. После полной дуги держит.

— Так и запомни для готовности перед курсом: не просто подача, а исправленная маска после рабочей дуги.

— Запомнил.

— Федя, твой полный ход.

Нижняя установка идёт к переднему сектору, затем влево. Федя не может повторить правую дугу симметрично: плечо заканчивает движение раньше. Он разворачивает раму левой рукой, корпус переносит ногами.

— Передний чист. Левый доступен. На правом шланг теперь проходит снаружи ремня и не касается повязки. До кормы дохожу корпусом... дошёл. Маска не потянулась.

— Дыхание?

— Ровное. Но правое плечо после полного прохода жёстче. Второй раз без предмета не делаю.

— И не надо. Рабочий сектор подтверждён один раз.

Литвинов проверяет не только шланг, но и возможность работать прицелом позже. Он наклоняется к нижнему окну, возвращается к карте, тянется правой рукой к месту прицела. На каждом движении называет, где проходит кислородная линия.

— Нижний обзор: свободно. Карта: шланг под ремнём, строки не закрывает. До прицела дотягиваюсь, край маски не отходит. Правую перчатку снимать пока не требуется. Левая кисть остаётся в петле.

— При возврате к карте?

— Шланг даёт слабину сам. Не приходится поправлять.

Моя маска тоже проходит рабочий круг. Я смотрю через левую стойку, затем к правому мотору, вниз на рычаги, снова на приборы. Резина остаётся у лица, шланг не входит между рукой и сектором газа.

— Пилотское место: полный приборный круг в маске выполнен. При повороте к правому мотору шланг свободен. Педали и триммер доступны.

— Все четыре места подтвердили кислород в движении, — говорит Литвинов. — Теперь можно продолжать набор без новой остановки.

Я выбираю прежний угол. Высота начинает расти. Холод приходит не сразу: сначала подсветка приборов кажется ярче, потом металл сектора газа перестаёт отдавать тепло ладони. На краях стекла проступает тонкая белая кайма.

— Иней по левому краю фонаря, — говорю я. — Центральная полоса чистая. Обдув открыт на прежнем положении.

— У меня нижнее стекло чистое в середине, — отвечает Литвинов. — По краю белеет.

— Верхнее справа начинает матоветь, — говорит Тимка. — Рабочую дугу веду через левую чистую часть, голову не бросаю.

— Нижнее у меня сухое, — Федя смотрит вперёд. — Холод идёт через металл установки. Перчатка держит.

Внешние машины меняются вместе с высотой. Выхлопы становятся заметнее на тёмном фоне, а сами фюзеляжи исчезают. Тимка ведёт левую ближнюю уже не по контуру, а по двум отдельным дорожкам газа. Федя видит правую машину снизу, где её тёмное крыло закрывает слабый блеск облака.

— Левая ближняя держит, но её выхлоп стал ярче, — говорит Тимка. — Это не сигнал. Положение прежнее.

— Правая поднялась на наш уровень, — отвечает Федя. — Под мотором больше не видна, теперь край крыла появляется сбоку. Сближения нет.

— Не перераспределяйте их по новым признакам, — говорю я. — Сектора прежние.

Правый двигатель снова подходит к температурной границе. Теперь уменьшить угол набора можно без потери кислородной проверки: все места уже работают. Я отдаю штурвал на малую долю, скорость прибавляет.

— Правый плюс половина деления, рост медленный. Угол уменьшаю, режим оставляю.

— Время до эшелона увеличится, — говорит Литвинов. — Сколько?

— По вариометру около минуты. Скажу после остановки температуры.

Стрелка ещё движется. Поток становится плотнее. Через двадцать секунд рост замедляется, через сорок останавливается.

— Температура держит. Возвращать угол не буду сразу. Дай минуту на устойчивость.

— Даю. Время ставлю фактическое.

Левая ближняя машина продолжает набирать быстрее и выходит выше. Тимка видит, как её выхлоп пересекает звёздную пару.

— Слева наша выше на половину корпуса. Если мы останемся положе, она уйдёт из сектора за верхнюю раму.

— Не тянемся. Перенеси угол установки, а не самолёт.

Он поднимает стволы на предохранении, смещает кресло на одно деление и снова проветривает маску в новом положении.

— Ближняя вернулась в обзор. Прокладка держит, шланг не натянулся. Дальняя осталась ниже неё.

Федя в это время теряет правую машину за мотогондолой.

— Правая закрылась нашим крылом после её подъёма. Последнее движение параллельное.

— Не ищи через плечо. Жди, пока выйдет.

— Жду.

Тёмный край появляется через несколько секунд у задней кромки. Федя сравнивает профиль и положение.

— Вышла там, где должна. Высота наша, продольный промежуток сохранился.

— Полный кислородный участок заканчиваем докладами, — говорит Литвинов. — Не самочувствием, а функциями.

— Управление и моторы: правый удержал температуру после уменьшения угла, левый устойчив, курс и высота под контролем, — говорю я.

— Навигация: карта читается, шланг не закрывает строки, время нового набора внесено, левая кисть в петле, — отвечает Литвинов.

— Радио и верх: внутреннюю связь слышу, наружу не передаю, исправленная маска держит после полной дуги, левую пару вижу раздельно, — говорит Тимка.

— Низ: люк и установка доступны, шланг прошёл полный сектор, правая машина повторно найдена после крыла, плечо осталось в прежней границе, — заканчивает Федя.

Только после этого я возвращаю нос на чуть больший угол. Правый мотор не отвечает новым ростом. Высота, кислород и внешнее наблюдение теперь существуют одновременно, а не как четыре земные проверки, которые могли рассыпаться при первом движении.

Облако кончается. Звёзды возвращаются. Вместе с ними группа. Ближняя левая машина отстала, правая поднялась к нашему уровню. Порядок изменился, но расстояния пока безопасны.

— До Штеттинского поворота двадцать две минуты, — говорит Литвинов. — На старой сетке здесь было бы светлее. Теперь ориентиры берём по воде, времени и городскому затемнению. Никаких поисков прежней тени.

Я подтверждаю. Новый час действительно изменил мир. В прежнем расчёте край залива должен был дать слабый серый блеск. Сейчас под нами только сплошная чернота, и каждая попытка увидеть знакомое грозит нарисовать его там, где хочется.

Первые дальние прожекторы не ищут нас. Они режут небо впереди над другим участком, сходятся и расходятся. Свет показывает облака, которых мы иначе не заметили бы. Литвинов использует их как чужую линейку.

— Верх облачности ниже нас на триста, — говорит он. — Между слоями есть разрыв. Штеттинский разворот придётся на его край.

— Значит, там строй растянется.

— Если каждый начнёт обходить сам. Мы показываем один поворот и не меняем его внутри.

За пять минут до точки Тимка сообщает, что левая дальняя машина сближается с ближней. Федя видит правую ниже. Я снижаю скорость на самую малость, чтобы ряд уплотнился до движения, но правый мотор тут же теряет часть обдува и температура снова поднимается.

— Не держать так долго, — говорит Литвинов.

— Вижу. Десять секунд.

Тимка считает положение, не время.

— Левая дальняя вышла из хвоста ближней. Промежуток есть.

— Правая подтянулась, — говорит Федя.

Я возвращаю скорость. Правый мотор принимает обдув. Цена уплотнения — ещё несколько секунд к отставанию, но мы подходим к повороту не растянутой верёвкой.

Штеттин впервые обозначается не городом, а отсутствием темноты. Низкий свет лежит за облаками впереди слева. Он не похож на прожектор и не движется. Литвинов сверяет время.

— Район подходит. Сам поворот через две минуты. Берлин остаётся основной. По моторам?

— Левый устойчив. Правый теплее на половину деления, не растёт. Давление ровное.

— Горючее на решение?

— В расчётной границе, — отвечает он. — Потерянные минуты не съели резерв. По приказу идём дальше.

— Экипаж, Берлин.

— Берлин, — повторяет Тимка.

— Держи волну. Берлин, — говорит Федя.

Штеттинский поворот начинается у края облачного разрыва. Я даю световой знак и кладу самолёт в малый левый крен. Ближняя левая машина отвечает сразу. Дальняя сначала исчезает в серой полосе. Правая начинает поворачивать позже и остаётся снаружи дуги.

— Справа запаздывает! — говорит Федя.

— Слева дальняя пропала, — одновременно отвечает Тимка. — Ближняя режет внутрь! Я не увеличиваю крен. Если повернуть за ближней, мы сами займём её путь. Если выпрямить ради правой, следующая машина повторит прежнюю команду и пройдёт мимо.

— Литвинов, точка схождения.

Он прижимает карту правым локтем. Левая рука остаётся в петле.

— Сохраняй нынешний крен ещё восемь секунд. Потом уменьши наполовину. Все, кто начал по нашему сигналу, выйдут к внешней стороне нового курса. Не возвращайся к старому.

— Тимка, ближняя?

— Уходит под наше левое крыло. Расстояние уменьшается.

— Федя, правая?

— Идёт снаружи, но уже поворачивает. До нас далеко.

Восемь секунд длиннее любого приказа. Ближняя слева растёт в тёмный силуэт. Я различаю верх крыла, потом только две выхлопные дорожки. На шестой секунде хочется убрать крен.

— Ещё две, — говорит Литвинов.

Я держу.

— Теперь половина.

Самолёт распрямляет дугу. Ближняя машина, ожидавшая нашего дальнейшего поворота, проходит ниже и впереди, не пересекая нос. Правая снаружи получает место для сближения. Из облачной полосы появляется дальняя левая — не там, где Тимка ждал, а выше и дальше, на продолжении прежней дуги.

— Дальняя есть, — говорит он. — Выше нас. Ближняя впереди слева. Между ними проход.

— Новый курс через три градуса, — говорит Литвинов. — Доверни плавно. Не собирай их резким возвращением.

Я выбираю три градуса за два движения. Сначала один, чтобы все увидели новое крыло. Потом остальные. Федина правая машина медленно входит в своё место. Тимкина ближняя сбрасывает лишнее опережение. Дальняя остаётся выше, но перестаёт уходить.

— Строй снова читается, — говорит Тимка. — Не прежний порядок. Но интервалы держатся.

— Справа держится, — подтверждает Федя.

Мы потеряли почти две минуты. Зато никто не полез в чужую траекторию и не заставил меня расходовать ногу на резкий разворот. Литвинов переносит новую отметку на сетку.

— Штеттин пройден, — говорит он. — Отставание две минуты сорок. Возвращать будем по участкам. Берлин не убежит.

Глава 6



— А строй мог, — отвечаю я.

Новый курс ещё не стал общей дорогой. Левая ближняя машина выходит из поворота первой и попадает в полосу более плотного воздуха над облачной кромкой. Её хвост резко поднимается. Крыло качается, выхлопные дорожки ломаются. Следующая слева повторяет движение с задержкой и оказывается ниже её следа.

— Ближнюю бросило вверх, — говорит Тимка. — Дальняя идёт под ней, расстояние по высоте уменьшается.

— Правая снаружи дуги, — добавляет Федя. — Её качает вправо. К нам не идёт.

Литвинов прижимает карту правым предплечьем и смотрит на два разных времени: окончание нашего поворота и момент, когда задние машины должны выйти на новый курс.

— Ближней нужен горизонт, дальней — не подниматься в её след. Показываем удержание высоты первой. Второй знак дальней только после ответа первой, иначе обе примут один приказ.

Тимка даёт последовательность. Свет от ближней приходит сразу, но её крыло продолжает качаться. Второй знак уходит дальше. Дальняя не отвечает.

— Дальняя в выхлопе ближней, могла не увидеть.

— Не повторяй, пока не выйдет из дыма, — говорю я.

Тёмный фюзеляж дальней машины появляется ниже на несколько секунд. Тимка даёт тот же знак, не придумывая новый. Ответ вспыхивает уже у нижнего края облака.

— Приняла. Высоту перестала набирать.

Ближняя машина тем временем выравнивается, но её скорость падает. Она начинает идти назад относительно нашего крыла. Если мы сохраним режим, она окажется у законцовки именно тогда, когда правая снаружи вернётся к строю.

— Федя, правая по продольному.

— Сокращает. До своего места два корпуса, скорость сближения большая.

— Тимка, ближняя.

— Уже у законцовки, идёт назад. Дальняя ниже и позади неё.

Я не могу командовать соседям голосом. Сбрасывать нашу скорость опасно для правого мотора и для дальней машины, которая уже идёт ниже. Ускориться — оставить ближнюю позади ведущей линии. Остаётся освободить пространство не скоростью, а малым смещением внутри собственного безопасного коридора.

— Литвинов, один градус вправо даст место?

Он смотрит на облачную кромку и курс.

— Один даст. Два заведут нас к правой машине. Начни креном, закончи без педали, чтобы знак читался как смещение, не новый поворот.

Я опускаю правое крыло едва заметно. «Тринадцатый» сдвигается наружу. Правая нога лишь гасит рыск, не ведёт весь манёвр. Ближняя слева получает дополнительный промежуток и проходит назад, не приближаясь к крылу.

— Слева чисто на один корпус больше, — говорит Тимка. — Ближняя теперь за законцовкой.

— Правая заметила наш сдвиг, — докладывает Федя. — Перестала идти внутрь, держится наружнее.

— Один градус принят, — говорит Литвинов. — Через двадцать секунд вернём половину, если обе стороны сохранят движение.

За эти двадцать секунд воздух снова меняется. Самолёт входит в след машины впереди, которой мы не видим. Сначала правое крыло получает короткий удар, затем нос уходит вниз. Я ловлю крен штурвалом, оставляю педали почти свободными и не тяну высоту, пока скорость не подтвердит запас.

— Чужой след, — говорю я. — Крыло вернул. Потеря высоты восемь метров.

— Группа впереди прошла здесь меньше минуты назад, — отвечает Литвинов. — Не ищи её курсом. Верни пять метров сейчас, остаток после ровного воздуха.

Я выбираю тангаж. Правый мотор отвечает на возросшее сопротивление небольшой прибавкой температуры. Стрелка остаётся в границе.

— Пять вернул. Правый плюс четверть деления.

— Слева ближняя тоже попала в след, — говорит Тимка. — Её качнуло к нам, но интервал после смещения сохраняется.

— Справа машина опустила крыло наружу, — говорит Федя. — От нас уходит.

Двадцать секунд заканчиваются. Возвращать половину градуса сейчас значит снова приблизить ближнюю, которую ещё качает. Литвинов отменяет собственное условие прежде, чем я спрашиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.